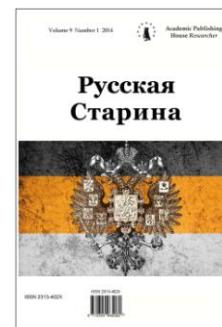

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 9, No. 1, pp. 26-39, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 94

Formation of Cavalry Units of the Red Army in the Southern Russia and Their Fate during the Great Patriotic War

Evgenii F. Krinko

Institute of Socio-Economic and Humanities Research Southern Scientific Center of the Russian Academy, Russian Federation
Dr. (History)

Abstract. The article is concerned with the cavalry divisions of the Red Army, formed within Don, Kuban and Stavropol during the Great Patriotic War. The features of the formation of these units and their further frontline fate are considered.

Keywords: Great Patriotic War; cavalry; the Cossacks; Red Army; Don; Kuban; Stavropol.

Введение.

Трагическое начало Великой Отечественной войны привело к огромным потерям в составе Вооруженных сил СССР. Наиболее сильно пострадали танковые и механизированные войска, во многом определявшие мобильность действий Красной армии в целом. Быстро компенсировать урон советская промышленность не могла, особенно в условиях начавшейся эвакуации. Поэтому летом 1941 г. советское руководство приняло решение о формировании 100 кавалерийских дивизий, значительная часть которых была создана на юге России, в местах компактного проживания казачьего населения.

Обсуждение.

Создание и дальнейшая судьба кавалерийских соединений, сформированных на Дону, Кубани и Ставрополье, остаются недостаточно изученными проблемами Великой Отечественной войны. Лишь в отдельных работах приводятся, как правило, краткие сведения об указанных дивизиях. В большей степени освещены истории 4-го Кубанского и 5-го Донского гвардейских казачьих кавалерийских корпусов, но и в них сохраняется немало дискуссионных вопросов. В трудах советских, да и современных авторов нередко тенденция к героизации боевого пути казачьих кавалерийских соединений, не учитываются трудности, с которыми пришлось столкнуться их командирам и бойцам, как в процессе формирования, так и в ходе боевых действий. Стронники иной точки зрения вообще отрицают целесообразность создания кавалерийских соединений в годы Великой Отечественной войны, считая данный род войск «устаревшим».

В данной связи необходимо отметить, что вплоть до конца 1930-х гг. кавалерия относилась к привилегированным родам войск. Неслучайно, что именно из кавалерийских командиров вышел впоследствии целый ряд известных советских полководцев, включая не только маршалов С. М. Буденного, С. К. Тимошенко, Г. К. Жукова, но и командующих Южным фронтом И. В. Тюленева, Я. Д. Черевиченко, Д. И. Рябышева и многих других

генералов. Только перед началом войны, в 1940–1941 гг., значительно сократилось количество кавалерийских соединений, на базе которых создавались бронетанковые части РККА. В частности, в марте 1941 г. на основе 4-й Донской казачьей дивизии была сформирована 210-я моторизованная дивизия.

Результаты.

К 22 июня 1941 г. в РККА осталось 13 кавалерийских дивизий (из 32 в 1936 г.), при этом лишь одна из них носила официальное наименование казачьей – 6-я Кубано-Терская Чонгарская ордена Ленина Краснознаменная ордена Красной Звезды кавалерийская дивизия имени С. М. Буденного. Она входила в состав 6-го казачьего кавалерийского корпуса вместе с 36-й кавалерийской ордена Ленина Краснознаменной ордена Красной Звезды дивизией имени И. В. Сталина. Именно 6-му корпусу, располагавшемуся в Белостокском выступе, первому из советских казачьих соединений довелось вступить в боевые действия с противником. Не имея прикрытия с воздуха и попав под удар вражеской авиации, корпус уже через неделю боев фактически перестал существовать. Многие его бойцы и командиры погибли, попали в плен, другие ушли к партизанам, некоторым удалось пробиться через линию фронта. Более удачно сложилась судьба 5-й Ставропольской кавалерийской дивизии им. М. Ф. Блинова. Первый удар немецких и румынских войск она приняла на Южном фронте, а завершила свой боевой путь как 1-я гвардейская кавалерийская Ставропольская ордена Ленина Краснознаменная орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизия им. М. Ф. Блинова.

15 июля 1941 г. в директивном письме Ставки Верховного командования, подписанном начальником Генерального штаба РККА Г. К. Жуковым и обобщавшем опыт первых трех недель боевых действий, говорилось о недооценке значения кавалерии: «При нынешнем положении на фронтах, когда тыл противника растянулся на несколько сот километров в лесных местностях и совершенно не обеспечен от крупных диверсионных действий с нашей стороны, рейды красных кавалеристов по растянувшимся тылам противника могли бы сыграть решающую роль в деле дезорганизации управления и снабжения немецких войск и, следовательно, в деле разгрома немецких войск». Для организации таких рейдов Ставка считала необходимым создание нескольких десятков «легких кавдивизий истребительного типа в три тысячи человек каждая, с легким обозом без перегрузки тылами», а также переформирование в них существовавших кавалерийских корпусов и дивизий [1]. Кавалерийские соединения создавались и на основе мотомеханизированных частей, лишившихся техники. Выйдя из окружения под Могилевом, 210-я моторизованная дивизия в августе 1941 г. вновь была переформирована в 4-ю Донскую кавалерийскую дивизию.

В июле – августе 1941 г. было создано 48 кавалерийских дивизий легкого типа, а к концу первого года войны их количество выросло до 82. Новые кавалерийские соединения имели примерно по 3 тыс. чел. или почти в три раза меньше, чем предусматривалось по довоенным штатам, состояли из 3 кавалерийских полков (из 4 сабельных и 1 пулеметного эскадронов), батарей 76-мм и 45-мм орудий. В соответствии с предложениями Ставки, тяжелая артиллерия, танки, противотанковые и зенитные средства, подразделения связи и саперов для этих дивизий не предусматривались, они также имели сокращенный штат штабных и тыловых служб.

Среди главных центров формирования кавалерийских дивизий были и территории бывших казачьих областей юга России. Действовавшая во второй половине 1930-х гг. система подготовки территориальных формирований позволила здесь в краткие сроки, при минимальных затратах сил и средств, создать кавалерийские части. Уже летом 1941 г. из Северо-Кавказского военного округа в действующую армию отправилось 17 кавалерийских дивизий (9 кубанских, 5 донских, 1 кубано-терская, 2 ставропольских) или более 50 тыс. чел. [2]. Хотя они официально не назывались казачьими, значительную часть их составляли казаки. Показательно, что и в сводках Совинформбюро и в статьях в периодической печати военного времени указанные дивизии именовались казачьими. С учетом жесткого контроля военной цензуры над средствами массовой информации это свидетельствует об очевидном стремлении власти пропагандировать участие казачества в войне.

В большинстве своем сформированные на юге России кавалерийские соединения прибывали на фронт уже через одну – две недели после начала комплектования и

практически сразу приступали к выполнению боевых задач. В ходе оборонительных боев кавалерия прикрывала отход других соединений, наносила контрудары по флангам и тылу прорывавшихся группировок противника, дезорганизовала его управление и снабжение. При переходе в наступление кавалерийские части применялись для развития успеха, преследовали противника, нарушали его коммуникации. Нередко кавалерийские дивизии вводились в прорыв на узких участках фронта и самостоятельно действовали в тылу противника, нанося ему значительный ущерб. Организацией кавалерийских рейдов занимался главный генерал-инспектор кавалерии генерал-полковник О. И. Городовиков, имевший большой опыт в проведении подобных операций во время Гражданской войны.

Один из первых таких рейдов предприняла в июле 1941 г. в Белоруссии кавалерийская группа из 32-й кадровой (командир – полковник А. И. Бацкалевич), а также 43-й (командир – комбриг И. К. Кузьмин) и 47-й (командир – генерал-майор А. А. Сидельников) кубанских кавалерийских дивизий. Общее руководство группой осуществлял полковник А. И. Бацкалевич, командовавший лучше вооруженным и имевшим боевой опыт соединением. Обе кубанские дивизии начали формироваться в станице Уманской и городе Тихорецке 6–7 июля, а уже 20 июля попали на фронт. Через трое суток их перебросили в тыл противника. Встретив ожесточенное сопротивление, кавалеристы не смогли пройти по запланированному маршруту, но сковали 43-й немецкий армейский корпус севернее Мозыря и задержали продвижение 35-го армейского корпуса. В дальнейшем 43-я и 47-я кубанские дивизии из-за больших потерь были расформированы, а входившие в них подразделения использованы для доукомплектования 32-й кавалерийской дивизии.

Похожая судьба сложилась и у других донских, кубанских и ставропольских кавалерийских дивизий. Успешно вела боевые действия на Украине сформированная в июле 1941 г. в Персиановских лагерях 38-я кавалерийская дивизия (командир – генерал-майор Н. Я. Кириченко). В ходе трехдневных боев на подступах к Донецку она разгромила до двух полков пехоты вермахта и первой в РККА в годы Великой Отечественной войны была награждена орденом Красного Знамени, а ее командир – орденом Ленина. Сформированная в Новочеркасске 52-я кавалерийская дивизия (командир – полковник Н. П. Якунин) действовала на Брянском направлении, позже вошла в состав 8-го кавалерийского корпуса с присвоением ее частям нумерации 21-й кавалерийской дивизии [3].

40-я дивизия (командир – полковник Ф. Ф. Кудеров) была сформирована в станице Куцевской, а 42-я (командир – полковник В. В. Глаголев) – в Краснодаре во второй половине июля 1941 г. В августе их перебросили на Крымский полуостров в составе кавалерийской группы генерала Д. И. Аверкина, где они вели тяжелые оборонительные бои с превосходившими силами противника. Понесшую значительные потери 42-ю кавалерийскую дивизию 13 ноября 1941 г. расформировали, а ее личный состав использовался для укомплектования 40-й дивизии. До апреля 1942 г. 40-я дивизия вела оборонительные бои в Крыму, затем ее также расформировали и обратили на пополнение частей Севастопольского оборонительного района и 17-го казачьего кавалерийского корпуса.

В Крыму воевала и 72-я кавалерийская дивизия под командованием генерал-майора В. И. Книги. Она была сформирована в августе 1941 г. в Краснодаре, а с января 1942 г. вошла в состав Крымского фронта. В мае в районе Керчи 72-я кавалерийская дивизия обеспечила переправу частей фронта на Таманский полуостров. 24 июня из-за тяжелых потерь ее переформировали в особую мотострелковую бригаду (с 9 сентября – в 40-ю мотострелковую, а с 19 декабря – в 40-ю стрелковую бригаду) Северо-Кавказского фронта [4]. В феврале 1943 г. она участвовала в освобождении Краснодара.

50-я кавалерийская дивизия (командир – полковник И. А. Плиев) была сформирована в Армавире, а 53-я (командир – комбриг К. С. Мельник) – в Ворошиловске (в настоящее время – Ставрополь). Они вошли в состав кавалерийской группы полковника Л. М. Доватора, совершившей в конце лета рейд по тылам группы армий «Центр». Стремительно передвигаясь в условиях лесов и болот, казаки вынудили командование вермахта снять с фронта 2 наступавшие пехотные дивизии. Пройдя с боями 300 км, в течение недели кавалерийская группа уничтожила свыше 2,5 тыс. солдат и офицеров, 9 танков и более 20 автомашин, разгромила десятки военных гарнизонов противника. За успешное выполнение задания Л. М. Доватору, И. А. Плиеву, К. С. Мельнику были присвоены генеральские звания.

С началом операции «Тайфун» казаки 50-й и 53-й дивизий оказались на направлении главного удара вермахта. 19 ноября в районе деревни Федюково на Волоколамском шоссе, отбивая атаку немецких танков, полностью погиб 4-й эскадрон 37-го Армавирского полка, а всего в 50-й дивизии на рубеже обороны осталось 177 чел., 9 пулеметов и 3 орудия. Но казаки не пропустили вермахт к Москве на своем участке фронта. Вскоре группа Доватора была преобразована в 3-й кавалерийский корпус, а 26 ноября 1941 г. он получил звание гвардейского. 50-я и 53-я дивизии стали, соответственно, 3-й и 4-й гвардейскими кавалерийскими дивизиями. После гибели в бою Л. М. Доватора, которому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, в командование 2-м гвардейским корпусом вступил И. А. Плиев [5]. Удачные действия казачьей конницы под Москвой не раз прославлялись в средствах пропаганды, плакатах и брошюрах.

Ряд казачьих кавалерийских соединений участвовал в боях на Южном фронте осенью 1941 г. Это сформированные в районе станции Лихой 35-я (командир – С. Ф. Скляр), 56-я (командир – полковник Л. Д. Ильин) и 68-я (командир – полковник Н. А. Кириченко), в – Тихорецке 62-я (командир – полковник И. Ф. Куц), в станице Кавказской – 64-я (командир – полковник Н. В. Симеров), в Армавире – 66-я (командир – полковник В. И. Григорович), в Ворошиловске – 70-я (командир – полковник Н.М. Юрчик) кавалерийские дивизии. Сдерживая натиск Клейста, им пришлось участвовать в оборонительных боях наряду с пехотой, а то и прикрывать ее отход.

Так, 20 октября 1941 г. на позиции 179-го кавалерийского полка 66-й кавалерийской дивизии, прикрывавшего отступление 31-й стрелковой дивизии, в районе хутора Копани Неклиновского района выдвинулось более 70 танков и бронемашин, до полка пехоты противника. Кавалеристы отбили 6 атак, уничтожив 17 танков, но в ходе седьмой атаки противник окружил командный пункт полка. Командир полка подполковник И. И. Лободин лично вел огонь из пулемета и погиб в бою. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза [6].

Выполняя несвойственные им функции и не используя свой потенциал подвижных соединений, казачьи дивизии несли значительные потери. Согласно новым нормам, по своей огневой мощи легкие дивизии не превышали возможности стрелковых полков. Но и полагавшееся им вооружение они не всегда получали в полном количестве, о чем красноречиво свидетельствуют очевидцы: «В район, где действуем мы, подошла наша 62-я кавдивизия, правда, вооружена она была слабо, одни клинки и часть винтовок» [7]. Действительно, 62-я дивизия приступила к выполнению боевых задач (охране Азовского побережья) в ноябре 1941 г., вообще не имея ни автоматов, ни артиллерийских орудий, ни минометов (см. таблицу 1).

Таблица 1.

**Сведения о вооружении 62-й кавалерийской дивизии
на 5 ноября 1941 г. [8]**

Наименование вооружения	Штук
Винтовки и карабины образца 1891 г.	1202
Винтовки самозарядные	37
Шашки	961
Пулеметы ручные (РПД)	50
Пулеметы станковые («Максим»)	27
Револьверы	35
Винтовочные патроны	1,6 комплекта
Патроны к ТТ и ППШ	0,075 комплекта
Патроны к револьверам	0,37 комплекта

Винтовок в наличии имелось меньше половины, пулеметов – чуть более половины необходимого количества (не хватало 1626 винтовок, 21 станкового и 48 ручных пулеметов). Обращаясь к И. В. Сталину, заместитель наркома обороны СССР начальник Главного управления формирования и укомплектования войск РККА армейский комиссар I ранга

Е. А. Щаденко писал, что «такой способ использования частей и соединений, незаконченным формированием и недовооруженных, принесет вред делу и погубит части» [9].

Впрочем, 62-я кавалерийская дивизия, как и многие другие соединения, испытывала трудности не только с вооружением. Несмотря на наступление холодной погоды, ее бойцы и командиры не получили вовремя зимнего обмундирования. 13 ноября 1941 г. командир дивизии полковник И. Ф. Куц и военный комиссар старший батальонный комиссар А.П. Грищенко писали в Военный совет 56-й армии о том, что они уже более месяца упорно добивались снабжения вверенного им соединения «хотя бы только теплыми портянками, бельем и шапками. Последние предрассветные заморозки и морозы застали дивизию в летнем обмундировании. Люди в бумажных пилютках и в летних портянках мерзнут в полевых караулах и в разведке. Вся боевая работа дивизии проходит в болотах по реке и ерикам в воде и сырости» [10]. На следующий день в приказании штаба дивизии отмечалось, что при раздаче теплых вещей «одни бойцы получили теплую шапку, башлык и телогрейку, а другие ничего». Поэтому штаб предлагал равномерно распределить теплые вещи между всеми бойцами, выдав валенки и бурки только часовым, несшим караульную службу [11].

Поскольку тыловые службы Южного фронта докладывали о том, что потребности армий в теплом обмундировании были в целом удовлетворены [12], сбои в снабжении объясняются, вероятно, низкой эффективностью работы интендантов армейского, корпусного и дивизионного звена, их равнодушием не только к нуждам бойцов, но и к своим прямым служебным обязанностям. Это подтверждают неоднократные обращения командования 62-й дивизии к вышестоящим инстанциям о замене 350 пар выданных сапог на сапоги или ботинки большого (43–45) размера: «Люди в дивизии крупные, сапоги же дали в большинстве малых размеров. С наступлением морозов люди в тесных сапогах морозят ноги» [13]. Только благодаря помощи советских и партийных органов города Азова удалось решить данную проблему [14].

В ходе боевых действий на юге страны советские военачальники не всегда эффективно использовали кавалерийские соединения, «латая» с их помощью бесконечно возникавшие «дыры» на фронте, а то и ставя задачи, решить которые они просто не могли. В свою очередь, отдельные кавалерийские командиры, прежде всего из числа не имевших необходимого командного и боевого опыта – призванные из запаса, переведенные со штабных, тыловых, преподавательских должностей – не всегда справлялись с поставленными задачами, что вело к большим потерям в личном составе и технике.

Так, в середине октября 1941 г. кавалерийская группа в составе 35-й и 56-й кавалерийских дивизий под общим командованием полковника Л. Д. Ильина получила приказ зайти в тыл моторизованным частям вермахта. Наступление по открытой степи не было должным образом подготовлено и не получило поддержки механизированных частей. Утром 16 октября спешенные кавалерийские полки 35-й дивизии атаковали походные колонны противника в селе Григорьевка. Первый натиск был успешным, противник отступил, оставив на поле боя 6 танков, 2 бронемшины, до 500 чел. убитых и раненых. В ходе встречного боя кавалеристы сумели уничтожить, судя по отчету, еще 15–20 автомашин с пехотой и подбить до 5 танков. Но, введя резервы, противник отбросил казаков, нанеся им значительные потери [15].

По итогам боя 16 октября 1941 г. 35-я кавалерийская дивизия потеряла до 80 % своего командно-политического состава, включая начальника политотдела, командиров и комиссаров двух полков, начальников штаба всех полков и других старших командиров. 21 октября остаткам 35-й дивизии пришлось выдержать еще один напряженный бой. Противник прорвался на соседнем участке фронта и обрушился на них с фланга. Общие потери за пять дней боев составили 2083 чел., основная масса которых (1717 чел.) числилась в пропавших без вести, а также 2407 лошадей [16]. Впоследствии полковник С. Ф. Склиаров просил изъять из других соединений бойцов и командиров 35-й кавалерийской дивизии. Так, в 64-й кавалерийской дивизии находилось 118 красноармейцев, 114 винтовок, 124 лошади, 6 повозок и 1 автомашина, в 68-й кавалерийской дивизии – 108 красноармейцев, столько же винтовок и лошадей, в 31-й стрелковой дивизии – 103 красноармейца, 100 винтовок, 110 лошадей, 45-мм орудие и 2 станковых пулемета. То,

что красноармейцы сохранили оружие и лошадей, продолжая нести службу в рядах РККА, не позволяет их считать дезертирами, как это пытались представить [17].

Командир 35-й дивизии также обвинил в провале наступления командира кавалерийской группы, не оказавшего ему необходимой помощи. Составленные штабом 35-й кавалерийской дивизии документы подтверждают серьезное преимущество противостоявших ей моторизованных частей вермахта, однако, за исключением бронетехники и авиации, о которой ничего не упоминается в отчете, оно не выглядит подавляющим (см. таблицу 2). К тому же инициативой первоначально владели советские кавалеристы, а противник, находясь на марше, не ожидал удара.

Таблица 2.

Соотношение сил в бою 16 октября 1941 г. [18]

35-я кавалерийская дивизия (без учета коноводов и обозов)		Противник	
Кавалерийских полков	3	Мотострелковых батальонов	3
Артиллерийских батарей	3	Артиллерийских батарей	4
Минометных батарей	-	Минометных батарей	до 6
Танков	-	Танков и бронемашин	до 40
Винтовок	1500	Винтовок	около 2500
Автоматов	197	Автоматов	до 500
Станковых пулеметов	36	Станковых пулеметов	до 40
Ручных пулеметов	53	Ручных пулеметов	до 50
Самолетов		Самолетов	3

Главными причинами разгрома 35-й дивизии стали непродуманные решения руководства фронта о самом наступлении кавалерии без соответствующего прикрытия, неэффективные действия ее собственного командования, фактически утратившего управление войсками, а также слабая подготовка бойцов и командиров, не владевших необходимыми навыками ведения боя. Неслучайно в приказе о боевой подготовке частей дивизии от 31 октября 1941 г., подводившем итоги боя 16 октября, прямо отмечалось, что «красноармейцы не умеют делать правильные перебежки, самоокапываться и держать свое место в составе отделения. При артиллерийском обстреле противника скучиваются и не стараются сделать бросок вперед, чтобы выйти из зоны артогня. Многие не ведут прицельного огня». В документе также обращалось внимание на технику перебежек, ведение прицельного огня, необходимость окапываться боевую технику, умение командиров наблюдать за полем боя, управлять вверенными подразделениями в бою [19]. К сожалению, необходимость соблюдения этих правил ведения боя была поздно осознана. Противник не давал времени осваивать «науку побеждать», и за все ошибки командиров, не сразу осознавших отличия войны от гарнизонной службы и кавалерийских парадов мирного времени, приходилось расплачиваться жизнями красноармейцев.

В начале ноября 1941 г. 35, 56-я и 68-я кавалерийские дивизии вошли в состав отдельного кавалерийского корпуса Южного фронта под командованием генерал-майора И.И. Хоруна. Его задачей являлся прорыв в тыл противника на стыке 18-й и 37-й армий для обеспечения действий главной ударной группировки фронта. Недостаток огневой мощи не позволил корпусу выполнить поставленную задачу. Тем не менее, казаки-кавалеристы не раз проявляли героизм в тяжелых боях на ростовском направлении. Именно 68-я кавалерийская дивизия единственная из всех оборонявшихся соединений РККА в конце ноября 1941 г. не отступила за Дон и отстояла Новочеркасск, а затем участвовала в освобождении Ростова. На флангах у нее действовали 66-я и 70-я, а с юга наступали 62-я и 64-я кавалерийские дивизии [20].

Грамотные действия бойцов и командиров, умелое использование ими своей боевой техники, нередко приносили успех даже в боях с превосходящим противником. Так, в отчете

о действиях 62-й кавалерийской дивизии в боях на Миус-фронте в декабре 1941 г. отмечаются положительные результаты использования 50-мм минометов, несмотря на отсутствие прицелов и специалистов-минометчиков, при взятии хутора Калинин, станции Хапры и села Вареновки [21]. Документы позволяют считать это результатом внимания, уделявшегося командованием дивизии боевой подготовке бойцов. Получив минометы, комдив отдал специальное распоряжение об их передаче в подразделения и обучении боевых расчетов [22].

В боях при освобождении Ростова-на-Дону и попытках прорыва Миус-фронта в декабре 1941 г. кавалерийские соединения понесли значительные потери. У 62-й кавалерийской дивизии за период наиболее интенсивных боев с 27 ноября по 15 декабря 1941 г. они составили 1315 чел.: 363 убитых, 663 раненых, 289 пропавших без вести. В то же время она сохранила старших командиров дивизионного и полкового уровня, боевую технику и конский состав как основу для дальнейшего существования кавалерийского соединения [23]. И. Ф. Куц строго относился и к формированию личного состава. Несмотря на потери, он писал командующему Западной оперативной группы генерал-майору П.М. Козлову о том, что получение пополнений, «никогда не имеющих дела с конским составом, приведет к тому, что дивизия будет совершенно не боеспособна как кавалерийская часть». В этом случае он ставил вопрос о возможном переводе дивизии на штат стрелковой дивизии. Несмотря на шантаж, начальство согласилось с комдивом [24].

Отдельный кавалерийский корпус Южного фронта несколько раз расформировывался и вновь воссоздавался. 10 января 1942 г. он был переименован в 1-й казачий корпус, а 14 января стал 1-м кавалерийским корпусом (командир – генерал-майор Ф. А. Пархоменко). В состав корпуса постоянно входили 35-я и 56-я, крайне недолго 64-я (была направлена на укомплектование 70-й и 78-й кавалерийских дивизий), затем 66-я кавалерийские дивизии. В марте 1942 г. 1-й кавалерийский корпус был расформирован, а его части пошли на укомплектование 2-го кавалерийского корпуса, в который первоначально входили 62, 64-я и 70-я дивизии. Переданный Юго-Западному фронту, с включением 38-й дивизии вместо 64-й, он участвовал в наступлении на Харьков и Красноград в мае 1942 г., где и погиб практически в полном составе. В 1942 г. был расформирован и ряд других легких кавалерийских дивизий, количество кавалерийских соединений в целом сократилось. К 1 мая 1943 г. в РККА осталось 26 кавалерийских дивизий.

В то же время еще в 1941 г. в Краснодарском крае, Ростовской и Сталинградской областях были созданы добровольческие казачьи формирования в качестве частей народного ополчения. 10 июля 1941 г. Военный совет СКВО принял директиву о создании в казачьих районах Краснодарского края 15 казачьих сотен в целях «подготовки отрядов самообороны и оказания помощи истребительным батальонам по борьбе с возможными парашютными десантами», укомплектовав их, в первую очередь, добровольцами [25]. С самого начала добровольцев оказалось много, но возникли вопросы по их возрасту, снаряжению и обмундированию. Поэтому Краснодарский крайком партии и крайисполком 29 июля разослали в районы директиву, в которой разъясняли, что в казачьи сотни могли зачисляться колхозники без ограничения возраста, умеющие управлять конем, владеть огнестрельным и холодным оружием. Коней и снаряжение требовалось выделять за счет колхозов, а обмундирование – за счет средств каждого бойца.

11 июля Сталинградский обком ВКП(б) постановил создать Донскую казачью кавалерийскую дивизию из добровольцев непризывных возрастов. 15 июля такое же постановление принял Ростовский обком ВКП(б) [26]. 15 октября Краснодарский крайком партии обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить формирование трех казачьих кавалерийских дивизий «в порядке добровольности из числа казаков и адыгейцев без ограничения возраста по принципу сотню на район» [27]. Получив одобрение Государственного комитета обороны СССР, бюро крайкома ВКП(б) через неделю приняло соответствующее постановление.

Первоначальная численность сотен, сводимых затем в эскадроны, различалась, но при формировании полков они получали одинаковую структуру. Многие казаки уходили служить целыми семьями. Так, в сотню, которую собрал и возглавил в станице Березовской участник Первой мировой и Гражданской войн, полный Георгиевский кавалер 52-летний казак К. И. Недорубов, вместе с ним вступил его 17-летний сын. 63-летний казак из станицы

Родниковской М. Ф. Грачев пришел с шестью сыновьями, а И. Д. Зубенко – с женой, двумя дочерьми и 17-летним сыном. При отборе желающих учитывалось наличие у них боевого опыта, преимущество получали участники Гражданской войны.

К началу декабря 1941 г. только в трех кубанских дивизиях военную подготовку проходили 6,5 тыс. чел. «Настроение бойцов и командно-политического состава хорошее, – сообщал 31 декабря военный комиссар 3-й Кубанской казачьей дивизии Б. С. Шипилов. – Состав подобран неплохой. Из 3062 человек – 2405 ранее служили в Красной Армии, 1054 человека – красные партизаны, до 15 человек – награждены орденами и медалями СССР; 14,3 % партийной прослойки. У большинства бойцов и командно-политического состава дивизии одно желание – скорей освоить военную технику и влиться в состав действующих частей Красной Армии, принять активное участие в разгроме и уничтожении немецких бандитов» [28].

Однако в процессе формирования добровольческих казачьих частей возникли различные трудности. По словам заведующего военным отделом Краснодарского крайкома ВКП(б) А. А. Егорова, из 96 казаков сотни Черноерковского района 63 чел. служили в белой армии, а 27 чел. никакого отношения к РККА не имели: «Одни из них служили в белой армии, другие имеют родство с репрессированными советской властью». В Теучежском районе Адыгейской автономной области из 65 чел. 29 чел. отправили обратно, «потому что они не внушали политического доверия» [29]. Власть по-прежнему не доверяла бывшим политическим противникам, а также репрессированным гражданам и членам их семей.

Если в рядовых кавалеристах недостатка не было, то командиров и военных специалистов не хватало. К тому же основную часть командиров составляли выпускники краткосрочных курсов, которые были в два, а то и в три раза моложе своих подчиненных, не обладали боевым опытом и не имели авторитета у старых казаков. Особенно не хватало артиллеристов, саперов и других военных специалистов. Младшими командирами сабельных подразделений назначались старые казаки или военнослужащие, прошедшие подготовку на 10-дневных сборах лучших рядовых [30].

Серьезные проблемы вызывало и снабжение казаков необходимым имуществом, вооружением и особенно лошадьми, так как перед этим на фронт с Дона и Кубани уже отправились десятки тысяч кавалеристов. Чтобы выполнить поставленные задачи, в станицах был организован сбор по дворам казачьего обмундирования и снаряжения, налажено его собственное производство из имевшихся материалов. Так, в Краснодаре работники завода «Пожарпром» предложили использовать для изготовления клинков буферные пружины железнодорожных вагонов, а специалисты завода имени Седина выбрали необходимый режим термообработки. На ножны и эфесы использовался чугун вместо бронзы, стремяна изготавливали литыми [31].

Несмотря на все сложности, 4 января 1942 г. по приказу наркома обороны СССР был образован 17-й казачий кавалерийский корпус, зачисленный в кадровый состав РККА. В него вошли 10, 12-я и 13-я Кубанские кавалерийские дивизии. Позже 10-ю дивизию ликвидировали, ее личный состав использовали на доукомплектование других кубанских дивизий. Сформированная в Сталинградской области 15-я Донская казачья дивизия 2 февраля вошла в состав 16-го кавалерийского корпуса Московского военного округа. Но 20 марта 16-й корпус расформировали. Узнав об этом, командование 15-й Донской казачьей дивизии обратилось к Сталину с просьбой сохранить данное соединение. В мае 15-я и сформированная в Ростовской области 116-я Донские казачьи кавалерийские дивизии вошли в состав 17-го кавалерийского казачьего корпуса. Командиром корпуса был назначен генерал-майор М. Ф. Малеев (с июня 1942 г. – генерал-майор Н. Я. Кириченко), командирами дивизий: 12-й – полковник И. В. Тутаринов, 13-й – полковник Б. С. Миллеров, 15-й – полковник С. И. Горшков, 116-й – генерал-майор Я. С. Шарабурко.

28 апреля 1942 г. корпус получил первую боевую задачу, заняв оборону по восточному побережью Азовского моря, на случай возможных десантов противника. Но настоящим боевым крещением для казаков оказались ожесточенные бои с частями 17-й армии вермахта в конце июля – начале августа 1942 г. 27–29 июля в низовьях реки Кагальник первый бой приняли казаки 12-й Кубанской и 15-й Донской дивизий, а 30 июля 17-й корпус занял позиции по южному берегу реки Ея на рубеже станиц Куцевской, Шкуринской,

Канеловской, Старощербиновской. На несколько суток казаки упорной обороной и острыми контратаками сумели задержать продвижение противника.

Особую известность получила кавалерийская атака 2 августа 29-го Адыгейского и 32-го Курганинского полков 13-й Кубанской дивизии на станицу Куцевскую. Она была настолько стремительной, что призванная поддержать кавалеристов Майкопская танковая бригада, сформированная из курсантов Орловского танкового училища, отстала, и тем самым пришлось прокладывать себе дорогу под пулеметным, артиллерийским и минометным огнем противника. В ходе напряженного боя Куцевская несколько раз переходила из рук в руки, но в итоге противнику удалось удержать станицу.

Примерно в то же время части вермахта нанесли удар между 15-й и 12-й кавалерийскими дивизиями и вышли в тыл корпуса. 12-я дивизия заняла круговую оборону в станице Шкуринской. Помощь казакам, среди которых было немало уроженцев Шкуринской и близлежащих населенных пунктов, оказали местные жители. Женщины, старики и подростки копали окопы, перевязывали раненых, приносили казакам прямо на позиции молоко, овощи и фрукты. 2 августа противник несколько раз переходил в атаку, но казаки его отбивали, а в один из моментов успешно преследовали отступавшую немецкую пехоту. В районе станицы Канеловской 116-я кавалерийская дивизия четверо суток вела тяжелые оборонительные бои и решительными контратаками разгромила немецкий пехотный полк.

Общие данные об итогах боев конца июля – начала августа 1942 г. достаточно противоречивы. В письме Н. Я. Кириченко секретарю Краснодарского крайкома ВКП(б) П. И. Селезневу говорилось, что 12-й Кубанской дивизии «удалось изрубить, перестрелять и артиллерийским огнем уничтожить более трех тысяч фашистов», 13-я Кубанская дивизия «в своей конной атаке изрубила более 2000 человек, плюс к тому артиллерийским и минометным огнем уничтожено, по-моему, такое же самое количество фашистов». Далее сообщалось, что «каждый казак и командир корпуса на своем счету имеет зарубленными от 2 до 15 фашистов». По словам Кириченко, его корпус также уничтожил 50 танков, 3 самолета и немало другой боевой техники [32]. Эти сведения выглядят слишком явным преувеличением, даже в сообщениях Совинформбюро указывалось, что противник потерял до 3 тыс. чел.

Сами казаки тоже понесли серьезные потери, составившие около 2 тыс. чел. И все же действия казачьего корпуса заметно выделялись на фоне того, как происходило отступление других советских частей на Северном Кавказе, и заслужили высокую оценку командования. Военный совет Северо-Кавказского фронта 5 августа 1942 г. поздравил 17-й корпус «со славной победой, одержанной в бою с фашистскими гадами в станицах Куцевской, Шкуринской и Канеловской». В середине августа 1942 г. Ставка Верховного Главнокомандования поставила действия казаков в пример другим частям и соединениям, указав командованию фронта: «Добейтесь того, чтобы все ваши войска действовали, как 17-й кавалерийский корпус» [33].

В условиях общего отступления советских войск 17-й корпус отошел с боями на юг и переправился на левый берег реки Кубани у станицы Усть-Лабинской. Две недели его части, прикрывая отход 12-й армии, вели упорные бои в горно-лесистой местности с мотомеханизированными войсками противника, наступавшими в направлении станиц Белореченской и Хадыженской. Действия командования корпуса в этой сложной ситуации были не всегда удачны, оно нередко теряло управление войсками [34]. Однако казакам удалось задержать части вермахта в предгорьях западной части Главного Кавказского хребта. За проявленные успехи 27 августа 1942 г. 17-й корпус был преобразован в 4-й гвардейский казачий кавалерийский корпус. 12-я и 13-я дивизии стали, соответственно, 9-й и 10-й гвардейскими Кубанскими казачьими, 15-я и 116-я – 11-й и 12-й гвардейскими Донскими казачьими кавалерийскими дивизиями. Н. Я. Кириченко было присвоено звание генерал-лейтенанта, С. И. Горшкову, Б. С. Миллерову, И. В. Тутаринову – звания генерал-майоров.

Во второй половине сентября кубанские, а в ноябре и донские гвардейские казачьи дивизии были переброшены на правый фланг Закавказского фронта и перешли в подчинение Северной группы войск, сражавшейся с частями 1-й немецкой танковой армии. Казаки-кубанцы получили задачу ударить по растянувшимся в степи немецким тылам и

сорвать наступление противника на Орджоникидзе. 10 октября начался рейд корпуса в тыл противника по безводной полупустыне со скудной растительностью. Опасаясь господствовавшей в воздухе авиации люфтваффе, он продвигался крайне медленно по ночам, и был обнаружен противником. В тяжелых боях в районе сел Владимировки, Урожайного, Ачикулака, Андрей-Кургана 4-й гвардейский корпус понес потери от механизированного корпуса вермахта особого назначения «Ф» (по фамилии командира генерала авиации Г. Фельми) и казачьего полка «Юнгшульц» и был вынужден отступить, не выполнив задач.

Вскоре советское командование наметило новый кавалерийский рейд в тыл противника, для чего предполагалось сформировать целую конную армию из 9, 10, 11, 12-й гвардейских, 30, 63, 110-й кавалерийских дивизий. Командиром был назначен генерал-лейтенант Н. Я. Кириченко, его заместителями – генерал-майор А. Г. Селиванов и генерал-майор Г. Т. Тимофеев. Однако советское контрнаступление под Сталинградом потребовало ускорить подготовку операции, чтобы не допустить переброску противником механизированных соединений с Кавказа. Поэтому вместо конной армии решили сформировать два гвардейских кавалерийских корпуса. 20 ноября был образован 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус из 11-й и 12-й гвардейских Донских казачьих, а также 63-й (командир – комбриг К. Р. Белошниченко) кавалерийских дивизий. Командиром корпуса был назначен генерал-майор А. Г. Селиванов. 4-й гвардейский корпус стал именоваться Кубанским, в его состав вошла 30-я Краснознаменная кавалерийская дивизия (командир – генерал-майор В. С. Головской).

Казачьим корпусам ставились разные задачи, что затрудняло их взаимодействие. 5-й гвардейский корпус должен был действовать на фланге 44-й армии западнее Моздока, а 4-й гвардейский корпус совершал глубокий рейд в тыл противника. Начало наступления назначалось на 30 ноября. Острая нехватка времени отрицательно сказалась и на качестве подготовки операции в целом, и на формировании гвардейских кавалерийских корпусов в частности. Особенно сложной была ситуация в 5-м гвардейском корпусе. Инспектировавший 11-ю гвардейскую дивизию Н. Я. Кириченко не скрывал перед командующим фронтом своего возмущения, указывая на ее небоеспособное состояние: «Конский состав доведен до изнеможения... Люди измотаны, ободраны и завшивлены. Материальная часть и оружие истрепаны и требуют немедленного восстановления» [35]. Не лучшим было положение 4-го гвардейского корпуса, в эскадронах которого оставалось по 20–25 активных бойцов.

Неудачу казачьей гвардии в декабрьском наступлении предопределило то, что ей пришлось выполнять несвойственную для кавалерии работу – прорывать в пешем строю хорошо подготовленную линию обороны противника. К 12 декабря в полках 4-го гвардейского кавалерийского корпуса осталось по 350–500 чел., в том числе активных сабель по 200 чел. Общая численность трех дивизий корпуса составляла 7168 чел., из них в боевых подразделениях находилось 2514 чел. [36].

В начале января 1943 г. 4-й и 5-й гвардейские казачьи корпуса вместе с другими советскими войсками перешли в наступление, участвовали в освобождении Северного Кавказа. 8 февраля они подошли к Азову. Перейдя по льду Дон и Мертвый Донец, заняли станцию Нижне-Гниловскую и станцию Хапры, перерезав железную дорогу Ростов – Таганрог. 20 февраля, преследуя противника, вышли к реке Миус, где уперлись в заранее подготовленный оборонительный рубеж [37]. После безуспешных атак казачьи корпуса были выведены на доукомплектование в места своего формирования.

Затем боевые пути 4-го и 5-го гвардейских казачьих корпусов разошлись. 4-й Кубанский корпус в конце августа 1943 г. принял участие в Таганрогской операции в составе конно-механизированной группы вместе с 4-м гвардейским механизированным корпусом (командующий группой – Н. Я. Кириченко). Создание таких групп стало новым шагом на пути использования конницы во взаимодействии с танковыми, механизированными войсками и авиацией. Преследуя противника в голой, выжженной солнцем украинской степи, кавалерийские части пытались действовать рассредоточено, под прикрытием темноты, но все равно несли потери от самолетов люфтваффе. В начале ноября 1943 г. 4-й Кубанский корпус и конно-механизированную группу в целом возглавил генерал-лейтенант

И. А. Плиев. Под его командованием казаки освобождали Крым, переправились через Днепр, Южный Буг и 10 апреля вступили в Одессу.

Затем 4-й гвардейский корпус был переброшен на 1-й Белорусский фронт, где вошел в состав новой конно-механизированной группы вместе с 1-м механизированным, затем 9-м танковым корпусами. Группе придавалась 299-я штурмовая авиационная дивизия. Летом 1944 г. 4-й Кубанский корпус содействовал расчленению, окружению и разгрому Минской и Барановичской группировок вермахта, громил коммуникации противника в Польше. Позже он был переброшен по железной дороге в Яссы, откуда совершил конный марш через всю Румынию. Оказавшись в тылу войск вермахта в Трансильвании, казаки-кубанцы во взаимодействии с другими частями Красной армии, в том числе и 5-м Донским гвардейским корпусом, овладели крупным городом Дебрецен и рассекли группировку противника. Захватив город Ньиредьхаза, гвардейские казачьи корпуса в составе двух механизированных групп блокировали отступавшие немецкие и венгерские войска. Новым командиром 4-го казачьего корпуса стал гвардии генерал-майор В. С. Головской.

На завершающем этапе войны 4-й Кубанский корпус принял участие в освобождении Чехословакии в составе 1-й гвардейской конно-механизированной группы 2-го Украинского фронта. В условиях весенней распутицы казаки с боями форсировали 11 рек с подготовленными рубежами обороны противника, овладели крупными городами Трнава, Брно, Братислава и другими населенными пунктами. В самом конце войны, в апреле 1945 г. 4-й гвардейский корпус возглавил генерал-лейтенант Ф. В. Камков. Под его руководством корпус с боями вышел к столице Чехословакии Праге. Всего за годы Великой Отечественной войны казаки-кубанцы прошли 9,9 тыс. км. За успешные боевые действия корпусу было объявлено 18 благодарностей Верховного Главнокомандующего, десятки тысяч бойцов и командиров оказались награждены орденами и медалями, 22 из них было присвоено звание Героя Советского Союза.

5-й гвардейский Донской корпус, получив пополнение, вернулся на фронт в начале мая 1943 г. В сентябре он участвовал в Донбасской наступательной операции, в ходе которой прорвал укрепленный рубеж обороны противника на реке Кальмиус, овладел городами Волноваха, Гуляйполе, Орехов. В ходе дальнейшего наступления корпус в составе конно-механизированной группы «Ураган» под командованием А. Г. Селиванова освободил сотни населенных пунктов, в том числе Каховку, Голую Пристань, Цюрипинск.

В январе-феврале 1944 г. казаки участвовали в разгроме Корсунь-Шевченковской группировки противника. В марте вместо тяжело заболевшего генерал-лейтенанта А. Г. Селиванова в командование корпусом вступил генерал-майор С. И. Горшков, уроженец хутора Ольшанка станицы Урюпинской. Под его командованием корпус участвовал в освобождении Молдавии, Уманско-Ботошанской и Яско-Кишиневской наступательных операциях. Летом и осенью 1944 г. части корпуса сражались с противником на территории Румынии и Венгрия, в предгорьях Карпат и на равнинах Трансильвании. Вместе с другими частями 5-й Донской казачий корпус форсировал Дунай, принял участие в битве за Будапешт, кровопролитных боях у озера Балатон.

В конце войны 5-й гвардейский казачий кавалерийский Краснознаменный Донской Будапештский корпус участвовал в Венской наступательной операции, совершив рейд в Австрийские Альпы. Здесь в небольшом австрийском городке Фишбах он и встретил 9 мая 1945 г. Всего за годы Великой Отечественной войны казаки 5-го Донского корпуса прошли около 9 тыс. км. Корпус был удостоен 8 благодарностей Верховного Главнокомандующего. Почти 32 тыс. его воинов награждены орденами и медалями, 11 чел. удостоены звания Героя Советского Союза.

Создание казачьих кавалерийских соединений во время Великой Отечественной войны отразило не только потребности РККА в сохранении высокой мобильности своих соединений, но и новый политический курс советского руководства по отношению к казачеству. Значительная часть казаков Дона, Кубани, Терека, Ставрополя откликнулась на призыв к борьбе с опасным врагом. Свой вклад в Победу внесли и кавалерийские дивизии, сформированные на юге России.

Примечания:

1. Исторический архив. 1992. № 1. С. 56.

2. Курков Г. М. Кубанские казаки на фронтах Великой Отечественной // Военно-исторический журнал. 2006. № 4. С. 17.
3. Воскобойников Г. Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 2006. С. 58.
4. См.: Справочник по боевому использованию кавалерийских соединений в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Кн. 1–3. М., 1954.
5. Память жива в веках. Возвращение к истокам. Об участии казаков в войнах XVIII–XX вв. Краснодар, 2006. С. 244–245.
6. Пужаев Г. К. Кровь и слава Миуса. Таганрог, 2008. С. 8.
7. Федотова Т. А. Азов и Приазовье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Очерки истории Азова. Азов, 1995. Вып. 4. С. 28–29.
8. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 3586. Оп. 1. Д. 22. Л. 86.
9. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941–1945. М., 2010. С. 93.
10. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 22. Л. 81.
11. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 1. Л. 82.
12. ЦАМО РФ. Ф. 228. Оп. 722. Д. 7. Л. 133 и др.
13. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 22. Л. 76.
14. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.
15. ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 5. Л. 6–14.
16. ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 12. Л. 18, 21, 22.
17. ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 4. Л. 55–56.
18. ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
19. ЦАМО РФ. Ф. 3565. Оп. 1. Д. 1. Л. 25–27.
20. Воскобойников Г. Л. Указ. соч. С. 69–70.
21. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 9. Л. 34.
22. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 1. Л. 86.
23. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 9. Л. 19.
24. ЦАМО РФ. Ф. 3586. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.
25. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Краснодар, 2000. Кн.1.: Хроника событий 1941–1942 гг. С. 37.
26. Государственное учреждение Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 9. Оп. 5. Д. 39. Л. 16–17.
27. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1774-а. Оп. 2. Д. 165. Л. 12-а.
28. Кубань в годы Великой Отечественной войны... С. 151–153.
29. ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 293. Л. 360, 361.
30. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-807. Оп. 2. Д. 15. Л. 10–11.
31. Екатеринодар – Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 589.
32. Кубань в годы Великой Отечественной войны... С. 324.
33. Четвертый гвардейский Кубанский, 1981. С. 49.
34. См.: Кринко Е. Ф. Кубанские казачьи части и соединения в составе РККА накануне и в годы Великой Отечественной войны: проблемы изучения // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2004. Вып. 3. С. 120–131.
35. Безугольный А. Ю., Кринко Е. Ф. Во главе казачьей гвардии: штрихи к портрету Н. Я. Кириченко // Казачество России: прошлое и настоящее. Сб. науч. ст. Вып. 2. Ростов н/Д, 2008. С. 316.
36. Там же.
37. Матишов Г. Г., Афанасенко В. И., Кринко Е. Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д, 2010. С. 121–123.

References:

1. Istoricheskii arkhiv. 1992. № 1. S. 56.
2. Kurkov G. M. Kubanskiye kazaki na frontakh Velikoi Otechestvennoi // Voennistoricheskii zhurnal. 2006. № 4. S. 17.
3. Voskoboinikov G. L. Kazachestvo i kavaleriya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Rostov n/D, 2006. S. 58.
4. Sm.: Spravochnik po boevomu ispol'zovaniyu kavaleriiskikh soedinenii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Kn. 1–3. M., 1954.
5. Pamyat' zhiva v vekakh. Vozvrashchenie k istokam. Ob uchastii kazakov v voynakh XVIII–XX vv. Krasnodar, 2006. S. 244–245.
6. Puzhaev G. K. Krov' i slava Miusa. Taganrog, 2008. S. 8.
7. Fedotova T. A. Azov i Priazov'e v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. // Ocherki istorii Azova. Azov, 1995. Vyp. 4. S. 28–29.
8. Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii (dalee – TsAMO RF). F. 3586. Op. 1. D. 22. L. 86.
9. Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossiiskoi Federatsii. Voina: 1941–1945. M., 2010. S. 93.
10. TsAMO RF. F. 3586. Op. 1. D. 22. L. 81.
11. TsAMO RF. F. 3586. Op. 1. D. 1. L. 82.
12. TsAMO RF. F. 228. Op. 722. D. 7. L. 133 i dr.
13. TsAMO RF. F. 3586. Op. 1. D. 22. L. 76.
14. TsAMO RF. F. 3586. Op. 1. D. 14. L. 25.
15. TsAMO RF. F. 3565. Op. 1. D. 5. L. 6–14.
16. TsAMO RF. F. 3565. Op. 1. D. 12. L. 18, 21, 22.
17. TsAMO RF. F. 3565. Op. 1. D. 4. L. 55–56.
18. TsAMO RF. F. 3565. Op. 1. D. 5. L. 5.
19. TsAMO RF. F. 3565. Op. 1. D. 1. L. 25–27.
20. Voskoboinikov G. L. Ukaz. soch. S. 69–70.
21. TsAMO RF. F. 3586. Op. 1. D. 9. L. 34.
22. TsAMO RF. F. 3586. Op. 1. D. 1. L. 86.
23. TsAMO RF. F. 3586. Op. 1. D. 9. L. 19.
24. TsAMO RF. F. 3586. Op. 1. D. 9. L. 10.
25. Kuban' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945: Rassekrechennyye dokumenty. Khronika sobytii: V 3 kn. Krasnodar, 2000. Kn.1.: Khronika sobytii 1941–1942 gg. S. 37.
26. Gosudarstvennoe uchrezhdenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti. F. 9. Op. 5. D. 39. L. 16–17.
27. Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraia (dalee – TsDNIKK). F. 1774-a. Op. 2. D. 165. L. 12-a.
28. Kuban' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny... S. 151–153.
29. TsDNIKK. F. 1774-A. Op. 2. D. 293. L. 360, 361.
30. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia. F. R-807. Op. 2. D. 15. L. 10–11.
31. Ekaterinodar – Krasnodar: Dva veka goroda v datakh, sobytiyakh, vospominaniyakh... Materialy k Letopisi. Krasnodar, 1993. S. 589.
32. Kuban' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny... S. 324.
33. Chetvertyi gvardeiskii Kubanskii, 1981. S. 49.
34. Sm.: Krinko E. F. Kubanskiye kazach'i chasti i soedineniya v sostave RKKa nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: problemy izucheniya // Voprosy kazach'ei istorii i kul'tury. Maikop, 2004. Vyp. 3. S. 120–131.
35. Bezugol'nyi A. Yu., Krinko E. F. Vo glave kazach'ei gvardii: shtrikhi k portretu N. Ya. Kirichenko // Kazachestvo Rossii: proshloe i nastoyashchee. Sb. nauch. st. Vyp. 2. Rostov n/D, 2008. S. 316.
36. Tam zhe.
37. Matishov G. G., Afanasenko V. I., Krinko E. F. Mius-front v Velikoi Otechestvennoi voine. 1941/1942 gg. 1943 g. Rostov n/D, 2010. S. 121–123.

УДК 94

**Создание кавалерийских соединений Красной армии на юге России и их судьба
в годы Великой Отечественной войны**

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии, Россия
Доктор исторических наук

Аннотация. Статья посвящена кавалерийским дивизиям Красной Армии, созданным на Дону, Кубани и Ставрополье в годы Великой Отечественной войны. В ней рассматриваются особенности создания данных соединений и их дальнейшая фронтовая судьба.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; кавалерия; казачество; Красная армия; Дон; Кубань; Ставрополье.